

ЛАВРОВ О ЧЕРНЫШЕВСКОМ

НЕИЗДАННОЕ ПИСЬМО П. Л. ЛАВРОВА К Г. В. ПЛЕХАНОВУ О Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОМ

Предисловие и примечания И. в. Книжника-Ветрова

П. Л. ЛАВРОВ И Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ В 1860—1862 гг.

Всем известно, что Маркс и Ленин высоко ценили Чернышевского, несмотря на то, что последний был социалистом-утопистом, сохранившим и в своих теоретических взглядах много идеалистических элементов. Но мало кому известно, что Маркс и Ленин ценили и Лаврова, отличавшегося теми же недостатками, какие были и у Чернышевского.

Как видно из письма Маркса к Лаврову от 11 февраля 1875 г., статьи из отдела газеты «Вперед» — «Что делается на родине» — настолько заинтересовали Маркса, что он хотел сделать из них извлечения для органа германской социал-демократии — «Volksstaat». В письме к Лаврову от 7 октября 1876 г. Маркс «поздравляет» Лаврова с его передовой статьей во «Вперед» — «Русские перед южно-славянским вопросом», характеризуя ее как «шедевр» и «великий акт морального мужества» (см. письма К. Маркса и Ф. Энгельса к П. Л. Лаврову в «Летописях марксизма» 1928, № 5). Марксу во время его борьбы с Бакуниным в I Интернационале не нравилась «мягкая обходительность» Лаврова по отношению к Бакунину (см. письмо к Энгельсу от 30 ноября 1873 г.), но до конца жизни Лавров был для Маркса собеседником, который способен был заставить Маркса «болтать целыми часами», хотя врачи и предписывали ему избегать всякого продолжительного разговора» (см. письмо Маркса к Энгельсу от 22 июня 1882 г. в т. XXIV Соч. Маркса и Энгельса, 1931 г.).

Ленин в статье конца 1897 г. «Задачи русской социал-демократии» называет Лаврова «ветераном революционной теории», хотя тут же подвергает критике его статью «О программных вопросах» (см. Сочинения Ленина, 3-е изд., т. II, стр. 184).

Если работа над углубленным изучением общественной и революционной деятельности Чернышевского не считается еще законченной, то можно сказать, что углубленное изучение общественной и революционной деятельности и социально-революционных взглядов Лаврова еще только начинается. В журнале «Каторга и ссылка» за 1931 г. (№ 10) напечатаны открытые мною две корреспонденции Лаврова о Парижской коммуне, из которых видно, что ранняя революционная оценка Коммуны как пролетарской революции дана в европейской социалистической печати Лавровым за два месяца до «Гражданской войны» Маркса. Но это — лишь один из образчиков литературного наследия Лаврова, напечатанного в свое время на языках русском, французском, немецком, английском и итальянском и оставшегося вне поля зрения историков, писавших о Лаврове.

Кроме неизвестных печатных работ Лаврова (среди них и вышедшая в 1876 г. нелегально отдельным изданием брошюра «Славянский вопрос», развивающая мысли передовой статьи, оцененной Марксом как «шедевр») имеется еще огромное количество его стихов, статей и писем, нигде не напечатанных, еще ждущих исследования. В одном архиве Института Маркса-Энгельса-Ленина имеется свыше шести тысяч документов Лаврова и о нем. Но не мало еще документов имеется в отдельных частях архива Лаврова, хранящихся в архиве германской социал-демократии в Берлине и в «Русском историческом архиве» в Праге.

Если принадлежность Лаврова к лагерю революционных деятелей с 1873 г., когда он стал издавать «Вперед», ни в ком не вызывает сомнений, то революционность его настроения в 1870—1872 гг. казалась сомнительной (см. П. Витязев, П. Л. Лавров в 1870—1873 гг. — в «Материалах для биографии П. Л. Лаврова», вып. I, Пгр., 1921 и Б. П. Козьмин, Ткачев и Лавров — в сборнике «Воинствующий материалист», книга I, М., 1924). Думается, что после опубликования корреспонденций Лаврова из Парижа 1871 г. и писем Лаврова к Герману Юнгу 1871—1872 гг. всякие сомнения насчет революционности Лаврова 1870—1872 гг. должны быть отброшены.

Но Лавров 60-х годов изображался до сих пор всеми историками всегда как писатель, далекий от революционной общестственности (см. М. Антонов, Политическая деятельность П. Л. Лаврова — в парижском «Былом» 1910, № 13; В. Богучарский, П. Л. Лавров и «лавризм» — в его книге «Активное народничество 70-х годов», 1912; П. Витязев, На гранях жизни — в сборнике «Вперед», Пгр., 1920 и в упомянутой выше статье того же автора; М. Н. Покровский, Русская история в самом сжатом очерке, 3-е изд., 1923, стр. 145; Б. П. Козьмин — названная выше статья; М. Острогорский, Перлы современного «лавризма» — в «Каторге и ссылке» за 1932 г., № 1).

Объясняется это тем, что самому Лаврову, как и Чернышевскому, были свойственны очень скромные заявления о своей революционной работе 60-х годов.

Что касается Чернышевского, то во время своего пребывания в Сибири он изображал себя (в лице Волинина) как кабинетного человека, который не мог иметь «глупое желание» быть «борцом за народ» (см. В. Чехихин-Ветринский, Н. Г. Чернышевский, изд. «Колос», 1923, стр. 156). Однако из интимных дневников Чернышевского и из множества фактов о его общественной деятельности, раскрытых лишь за последние годы, мы знаем, что в действительности он не только имел «глупое желание» быть «борцом за народ», но и действительно был революционным борцом.

Лавров, как и Чернышевский, характеризует свою деятельность 60-х годов как исключительно кабинетную: будто все его связи с «людьми радикального образа мыслей ограничивались литературой», будто ему «радикальная молодежь Петербурга была вовсе не близка... в последние годы... петербургской деятельности» и т. п. (см. П. Л. Лавров, Народники-пропагандисты, Апр., 1925, стр. 50. То же в письме Лаврова к сыну — в указанных «Материалах для биографии Лаврова», стр. 34—39 и в автобиографии Лаврова). Так как эти самохарактеристики Лаврова вполне совпадали с нападениями на Лаврова в 1874 г. П. Н. Ткачева и с характеристикой Лаврова, данной его противником М. П. Сажиним в «Воспоминаниях» последнего (М., 1925), и с беглыми характеристиками Лаврова некоторых других авторов, ничего не знавших о радикально-революционной деятельности Лаврова 60-х годов, то все это до сих пор принималось за истину всеми историками, занимавшимися характеристикой Лаврова 60-х годов.

О неверной квалификации Лаврова 60-х годов как писателя, далекого от революционной общестственности, впервые стал отказываться П. Витязев, когда нашел статью Лаврова «Постепенно» конца 1862 или начала 1863 г., фигурировавшую в «Судебном деле» Лаврова (см. статью Витязева в «Книге и революции» 1922, № 6, стр. 9—15). Но Витязев не обратил внимания на целый ряд других документов и фактов в том же «Судебном деле», дающих отдельные яркие штрихи для обрисовки политической физиономии Лаврова 60-х годов (статья В. Н. Нечаева об этом «Судебном деле», напечатанная в «Сборнике материалов и статей», изданном редакцией журнала «Исторический архив» — ГИЗ, 1921, дает о процессе Лаврова совершенно не соответствующее действительности представление). Не использовавши всех документов из «Судебного дела» Лаврова, Витязев кроме того не принял в расчет «Послания к М. И. Михайлову» Лаврова от 22 мая 1862 г., напечатанного впервые в «Былом» в 1906 г. (№ 5), его статьи против Писарева в «Современнике» 1865 г. (№ 99) «О публицистах-популяризаторах и о естествознании», его стихотворения «Путник», написанного 25 мая 1866 г. в тюрьме и ярко рисующего настроения Лаврова (впервые напечатано в «Голосе минувшего» 1915 г., № 9), его сношений с эмигрантами во время ссылки и т. п.

Все эти новые материалы и факты о Лаврове 60-х годов еще никем из писавших о Лаврове не использованы. К ряду этих материалов относится и печатаемый ниже неизданный черновик письма Лаврова к Плеханову о Чернышевском.

Это письмо Лаврова о Чернышевском является ответом на следующее письмо к Лаврову (по копии, не имеющей подписи и без даты, отрывок из него помещен от имени редакции «Социал-Демократа» на стр. 41—42 во II томе «Из архива П. Б. Аксельрода», изданном в Берлине в 1924 г.; подлинник этого письма сохранился в части архива Лаврова, находящейся в Институте Маркса-Энгельса-Ленина).

Уважаемый Петр Лаврович,

Посылая Вам объявление об издании «Социал-Демократа» на 1889 г., я, от имени всей редакции, позволю себе выразить Вам надежду на то, что Вы не откажете нам в литературной поддержке. На первый раз просьба наша будет очень скромна.

Вы знали Чернышевского; Вы встречались с ним, если не ошибаемся, около времени известных студенческих беспорядков 60-х годов. Мы просили бы Вас написать Ваши воспоминания о встречах с ним. У нас, правда, уже есть разбор его сочинений, но Вы знаете, что ничто не обрисовывает так личность общественного деятеля, как воспоминания о нем лиц, сталкивавшихся с ним. Не нужно и прибавлять, что Ваши воспоминания будут иметь особенный интерес в глазах публики и особенную цену в глазах редакции.

Ожидая от Вас ответа, остаемся готовыми к Вашим услугам.

Zürich

Г. Плеханов.

10 ноября 1889.

P. S. Ответ прошу Вас адресовать на мой женеvский адрес: 18, Chemin de la Cluse. Прибавлю еще, что мы не хотели бы распространять в публике объявления до выхода журнала.

Г. Плеханов.

Дело в том, что в 1888 г. Г. В. Плеханов и П. Б. Аксельрод выпустили в свет «литературно-политический сборник» «Социал-Демократ», где кроме их собственных были еще статьи В. И. Засулич и Поля Лаварга. Предполагая издать подобный же сборник и в 1889 г. (на самом же деле в этом году издание не состоялось), они решили дать в нем ряд статей о Чернышевском по случаю его смерти 17 октября 1889 г. Разбором сочинений Чернышевского занялся сам Плеханов, за личными же воспоминаниями о Чернышевском редакция обратилась к Лаврову.

Как видно из письма Плеханова, он ожидал, что воспоминания Лаврова о Чернышевском «будут иметь особенный интерес». Но оказалось, что Плеханов ошибся. Лавров мог вспомнить о своих сношениях с Чернышевским лишь очень немного фактов. Объясняется это тем, что Лаврову, как сказано выше, были свойственны очень скромные заявления о своей общественной деятельности; кроме того надо принять в расчет, что Лаврову было в это время 67 лет и память на факты прошлой жизни была у него очень слаба. Все же и это письмо Лаврова сообщает о его сношениях с Чернышевским несколько новых фактов, хотя о многих других умалчивает или неверно их освещает. В последующем изложении я попытаюсь дать картину взаимных отношений Лаврова и Чернышевского 1860—1862 гг. на основании существующих литературных материалов, чтобы выяснить, был ли Лавров в 1860—1862 гг. в одном лагере с Чернышевским, как Чернышевский относился к Лаврову и был ли он с ним интимно близок как с единомышленником?

Хотя Лавров был старше Чернышевского на 5 лет (последний родился 12 июля 1828 г., а Лавров — 14 июня 1823 г.), однако политически он определился позже Чернышевского. Как можно видеть из «Дневника» Чернышевского, напечатанного в «Литературном наследии» Н. Г. Чернышевского (том I, ГИЗ, 1928, стр. 401), он уже 18 сентября 1848 г. определил себя «партизаном социалистов и коммунистов и крайних республиканцев». У Лаврова подобное же самоопределение произошло лишь десятью годами позже, что видно из дневника приятельницы Лаврова — Е. А. Штакенштейнер.

отмечающей в своем дневнике 1858 г., что Лавров излагал в ее обществе системы Фурье и Сен-Симона. Лавров полагал, что «все будут одинаково работать и одинаково сыты. Семьи конечно не будет: дети будут воспитываться государством: богатых и бедных, простых и знатных также не будет. Все будут равны, одинаково образованы и обеспечены на старости» (см. «Русский Вестник» 1901, № 6, стр. 451). Несколько позже, в 1860 г., Лавров говорил той же Штакеншнейдер: «Разрушайте! весь строй существующей жизни должен быть разрушен; и государство, и церковь, и семья, — все это должно пасть и исчезнуть; и каждый честный человек обязан всеми силами способствовать их падению...» Его мечтой была революция...» (См. Е. А. Штакеншнейдер, П. Лавров. «Голос минувшего» 1915, № 7—8, стр. 100).

Выступление Лаврова как радикального публициста совершилось также позже, чем выступление Чернышевского. Последний уже в 1853—1855 гг. открыто сотрудничает в «Отечественных Записках», а с 1854 г. — в «Современнике» и вскоре становится признанным главой этого журнала. Между тем Лавров пишет анонимно свое первое публицистическое произведение — «Письмо к издателю» — Герцену, при отсылке ему в Лондон своих пяти стихотворений на политические темы, только в 1856 г. (напечатано оно было в следующем году; см. приложение к «Колоколу» — «Голоса из России». Кн. 4-я, 1857). В русской легальной печати Лавров начинает выступать лишь в 1857 г. (в журнале В. Рюмина «Общезанимательный Вестник» им напечатаны два «письма» из задуманной серии статей под заглавием «Письма о современных вопросах»). Но так как и тогда он подписался псевдонимом «Один из многих», то мало кто знал об этих его выступлениях в печати. О публицистических опытах Лаврова знала лишь передовая интеллигенция по его политическим стихотворениям, нелегально переходившим из рук в руки в списках с 1854 г. Под своей фамилией Лавров выступил впервые как публицист в общераспространенных «Отечественных Записках» со статьей о воспитании в сентябре 1857 г. Стал он известен как писатель лишь в 1859 г., когда были напечатаны: в №№ 4 и 5 «Библиотеки для чтения» его статья «Практическая философия Гегеля», в № 4 «Отечественных Записок» — «Механическая теория мира», в № 7 «Русского Слова» — «Современные германские «теисты» и в №№ 11 и 12 «Отечественных Записок» — «Очерк теории личности».

Как видно из публикуемого здесь письма Лаврова к Плеханову, Лавров познакомился лично с Чернышевским осенью 1859 г., так как Лавров пишет, что встретился с Чернышевским «при основании Литературного фонда». Первое общее собрание Литературного фонда состоялось 8 ноября 1859 г. В списке его 35 учредителей значится Чернышевский (он же и член Комитета Литературного фонда со дня его основания до 2 февраля 1862 г.), но не значится Лавров. Но повидимому и Лавров присутствовал на одном из первых (после учредительного) собраний Литературного фонда, так как на учредительное собрание были приглашены сверх 11 лиц, подписавших устав (главным образом представители журналов: «Современника», «Отечественных Записок» и «Библиотеки для чтения»), еще 66 литераторов и ученых членов-учредителей (см. А. А. Корнилов, Происхождение Литературного фонда и первые шаги его деятельности — в «Юбилейном сборнике Литературного фонда 1859—1909 гг.», стр. 6). Среди приглашенных был повидимому Лавров, и он вскоре после учреждения Литературного фонда стал посещать его собрания. Это тем более вероятно, что Лавров скоро получил приглашение от Литературного фонда прочитать в Пассаже в пользу Литературного фонда публичные лекции, а со 2 февраля 1861 г. избран был членом Комитета Литературного фонда и его казначеем, каковым оставался три года — до 2 февраля 1864 г. (см. в том же сборнике, стр. 72—73).

Нет никакого сомнения, что статьи Чернышевского до встречи с ним Лавров читал, как их читала вся мыслящая Россия, и под их влиянием политически оформлялся. Но, как увидим дальше, можно сказать с уверенностью, что Чернышевский до встречи с Лавровым не читал ни одной из его статей. Впервые Чернышевский обратил внимания на Лаврова как на писателя в своей статье «Антропологический принцип в философии», когда статья Лаврова «Очерк теории личности» в первых числах января 1860 г. вышла отдельной брошюрой под измененным заглавием «Очерки вопросов практической философии. Посвящено А. Герцену и П. П[рудону]. Спб., 1860».

Уважаемый Пётр Лавров,
 воспринимая Ваше объявление об уходе
"Социал-Демократа" на 1889 г., я,
 отнюдь не имея всей редакции, поспешно
 себя выразил Вам надежду на
 то, что Вы не откажетесь
 в инициативной помощи. На
 будущий шаг курса наша судьба
 очень важна!

Вы знаете Сергеевского; мы
 знакомы с ним, если не
 лично, то очень близко. Он
 вступил в студенчество. Будет
 родной во 40 годов. Он прочитал
 в Вашем номере Ваши возво-
 шения о Петруше с ним.
 У нас, правда, уже есть разбор
 его сочинений, но Вы знаете
 что никто не одобряет
 таких лирических осуждений.

Этого, всего, востановит
 в нем мир, соединившись
 с ним. Не нужно и при-
 собничать, это волею востановит
 миром будет мир
освободит мир в мир
 публики и освободит мир
 в мир редиски.

Врудаю отъ Кое абу,
 осудите горьким все
 Кинимъ целую,
 Т. Плехановъ

Zürich

10 ноября 1889

Р.В. Отвѣтите Крону Кое
 адресовать на мой редакционный
 адрес: 18, Chemin de la Sive.
 Криволино сие, это мы не форми
 на распространить в публике
 обновленіи до выдана нужно

В этом произведении Лаврова развитие личности объясняется из самой сущности человека, из его наслаждений и творчества, и доказывается, что личность и общественная деятельность должны быть слиты.

Подобное произведение было вполне в духе идей самого Чернышевского и потому встретило полное его одобрение.

Так как в литературе о Лаврове имеется утверждение, будто Чернышевский «опровергал Лаврова» в упомянутой выше статье (см «Воспоминания» Н. В. Шелгунова. ГИЗ, 1923, стр. 36), а сам Лавров давал впоследствии на допросе в военном суде показание, что «Чернышевский писал против него», то приходится несколько остановиться на отзыве Чернышевского о Лаврове.

По поводу брошюры Лаврова Чернышевский написал большую статью «Антропологический принцип в философии» в №№ 4 и 5 «Современника» за 1860 г. (здесь она цитируется по «Полному собранию сочинений Чернышевского», т. VI. Спб., 1906).

«По недостатку знакомства с многими из источников, которыми пользовался г. Лавров, — пишет Чернышевский, — мы, конечно, не можем в точности оценить достоинство его произведения. Мы можем предполагать только одно: если бы он не имел большего философского дарования, чем Жюль Симон, Фихте-сын (их цитировал Лавров), то в его брошюре был бы тот же самый вовсе не философский дух, какой находится в их произведениях, и его «Теория личности» была бы так же плоха, как их теории. Но его брошюра должна быть положительно признана хорошею... Г. Лавров большую часть пути ведет своих читателей по прямой и хорошей дороге вперед: это делает ему большую честь, потому что никто в нашем обществе не показывал ему этой дороги... Мы высоко ценим обе эти заслуги: и ту, что г. Лавров имел силу додуматься до результатов, гораздо лучших того, что давали ему какие-нибудь Фихте-сыновья и Жюль Симоны; и ту заслугу, что он умел найти для своих философских исследований руководящего, гораздо лучше посредственных и отсталых книг. Но соединение прекрасных мыслей, заимствованных из действительно великих и современных мыслителей или внутренних собственным умом, с понятиями или не совсем современными, или принадлежащими не тому образу мыслей, какого в сущности держится г. Лавров, или, наконец, принадлежащих особенному положению мыслителя среди публики не похожей на нашу и потому получающих неверный колорит при повторении у нас, — это соединение собственных достоинств с чужими недостатками придает, если мы не ошибаемся, системе г. Лаврова характер эклектизма... В брошюре г. Лаврова встречаются мысли, которые едва ли совместны между собою» (стр. 182—183). Далее Чернышевский указывает, как Лавров, «мыслитель прогрессивный — в этом нет никакого сомнения», упоминает, по следам Милля, о факте «общественного деспотизма Соединенных Штатов», но «не сказал нашей публике о его смысле» (стр. 183), сводящемся к тому, что Милль возвел «в общую формулу предчувствие того, что сильнейшее развитие цивилизации будет уменьшать привилегии, присвоенные сословием, к которому сам он принадлежит» (стр. 189). «Быть может мы ошибаемся, но нам кажется, что г. Лавров принужден был собственными силами доискиваться тех решений, которые уже найдены нынешнею немецкою философиею. Нам кажется, что изучение отживших форм немецкой философии и книг, написанных мыслителями английскими и французскими, предшествовало у него знакомству с новейшими немецкими мыслителями... Мы не говорим, что он пришел бы к другим воззрениям, — нам кажется, что сущность его воззрений справедлива, — но они представлялись бы ему в виде более простом» (стр. 193). «Не входя в критику воззрений г. Лаврова, мы попробуем изложить наши понятия о тех же предметах; разница будет почти только в изложении и в приемах постановки вопроса» (стр. 194).

Итак, мы видим, что Чернышевский солидаризируется с Лавровым по существу, критикуя только способ его изложения и приемы постановки вопроса. Но по видимому Чернышевский до брошюры о теории личности не читал ни одной из статей Лаврова по философии: ни его «Практической философии Гегеля», ни «Механической теории мира», иначе Чернышевский не написал бы в этой статье фразы: «... да кто же в русском обществе думает о философских вопросах? Разве г. Лавров, — да и то сомнительно: быть может и самому г. Лаврову гораздо интереснее всевозможных философских вопросов наши житейские и общественные дела» (стр. 204) и, говоря, что «система Гегеля... са-

ма по себе уже не соответствует нынешнему состоянию знаний» (стр. 192), указал бы, что таково же и мнение Лаврова, выраженное им в его статьях о Гегеле. А мы знаем, что Лавров еще в 1859 г. в статье «Механическая теория мира» изложил теорию антропологизма в духе Фейербаха. Чернышевский был не прав, когда предполагал, что Лавров «принужден был собственными силами доискиваться тех решений, которые уже найдены нынешнею немецкою философией». Лавров нашел их у Фейербаха, как и Чернышевский.

Как уже указано выше, одобрительный отзыв Чернышевского о первом произведении Лаврова, вышедшем отдельным изданием, был воспринят как отрицательный отзыв «противника». Е. А. Штакенштейндер 26 января 1867 г. отмечает в своем дневнике, что Лавров «хвалит своего противника Чернышевского» («Русский Вестник» 1901, № 10, стр. 439). В печатаемом ниже письме к Плеханову Лавров тоже говорит о «враждебном» отношении «Современника» к его работам.

Но здесь повидимому Лавров имеет в виду выступление М. А. Антоновича в № 4 «Современника» за 1861 г. по поводу второго произведения Лаврова, вышедшего отдельным изданием, — «Три беседы о современном значении философии» (Спб., 1861). Эта вторая брошюра составила из трех публичных лекций, прочитанных Лавровым в Пассаже 22-го, 25-го и 30 ноября 1860 г., как уже сказано выше, в пользу Литературного фонда, и имевших большой успех. (Одновременно с Антоновичем в № 5 «Русского Слова» за 1861 г. выступил против «Трех бесед» Лаврова и Д. И. Писарев.)

По существу дела «Три беседы», развивавшие мысль о необходимости соединения философского исследования с практикой жизни, повторяли ту же идею, которая лежала в основе «Очерков практической философии», одобренных, как мы видели, Чернышевским в «Антропологическом принципе». Если, вопреки этому, Лавров теперь третировался как «схоластик», то объясняется это, на мой взгляд, не содержанием «Трех бесед», а чисто внешним обстоятельством, набросившим тень на Лаврова в глазах передовых публицистов того времени.

Дело в том, что в начале 1861 г. Лавров был приглашен руководителем газеты «Санктпетербургские Ведомости» Краевским в редакторы философского отдела предприятия по «Энциклопедическому словарю». Как видно из письма графа И. Д. Делянова к М. М. Стасюлевичу той эпохи (см. «М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке», т. I. Спб., 1911, стр. 345), «Словарь Краевского был субсидирован правительством, о чем не подозревал его редактор П. Л. Лавров» (последний вскоре был выбран главным редактором «Словаря» вместо Краевского). Если в покровительствуемое правительством издание Лавров был приглашен в качестве одного из главных орудников, то очевидно, что в глазах правительства Лавров, военный профессор (в чине полковника, был вполне «своим» человеком, но это как раз компрометировало Лаврова во мнении передовых публицистов. Лавров отмечает в своей автобиографии, что «в либеральной литературе «Словарь» встретил прием довольно холодный». Но вопреки намерениям правительства. Лаврову удалось создать из «Словаря» такое литературное предприятие, которое проповедывало антропологическую точку зрения в вопросах философии и боролось с религией. Вскоре Лаврову удалось привлечь в «Словарь» и самого Антоновича. В «Словаре» редактировал отдел словесных наук поэт-революционер М. И. Михайлов. Сотрудничал в нем и Ник. Утин — участник подпольной революционной организации «Земля и воля» (подписи Утина нет в «Словаре», но о его сотрудничестве мы узнаем из нескольких писем Утина к Лаврову, фигурирующих в «Судебном деле» последнего). Как видно из воспоминаний Антоновича (см. «П. Л. Лавров в воспоминаниях современников. Из рассказов М. А. Антоновича» — «Голос Минувшего» 1915, № 9, стр. 134), цели, которые ставил себе Лавров при издании «Словаря», к концу 1861 г. стали ясны, и отношение к Лаврову передовых публицистов перестало быть враждебным.

Содействовали сближению Лаврова с кружком «Современника» и его общественные выступления. Так, в качестве казначея и члена Комитета Литературного фонда с февраля 1861 г. Лавров «проводил мысль, чтобы Комитет, при обсуждении прав на пособие, принимал в соображение образ мыслей и направление писателя» (см. «XXV лет.

1859—1884. Сборник, изданный Комитетом общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым». Спб., 1884, стр. 432). Смысл предложения Лаврова был тот, чтобы выдавать пособие только прогрессивным и революционным писателям, а не реакционером. Представители «Современника», заседавшие в Комитете, да и сам Чернышевский, бывший членом Комитета одновременно с Лавровым в течение трех лет, не могли не оценить высоко подобное предложение. Профессор и цензор Никитенко в своем дневнике отмечает, что «Чернышевский, Лавров и др. дали Литературному фонду характер партии» (см. А. Никитенко, Моя повесть о самом себе, т. II, Спб., 1905, стр. 266).

Когда близкий к Чернышевскому поэт и публицист М. И. Михайлов, привезший из Лондона прокламацию «К молодому поколению», 14 сентября 1861 г. был арестован, Лавров на другой же день подписал против этого ареста протест тридцати литераторов и кроме того отдельно — протест десяти редакторов «Энциклопедического словаря», в котором Михайлов, как указано выше, был редактором отдела словесных наук. (Впоследствии, когда Михайлов был водворен на каторгу, Лавров послал ему посвящение в стихах, датированное 23 мая 1862 г.)

В письме к Плеханову, печатаемом ниже, Лавров утверждает, что «не имел вовсе сношений» с Чернышевским «до утверждения литературного клуба (под названием шахматного)». Но это утверждение противоречит фактам. Шахматный клуб был основан лишь в начале 1862 г. Между тем, как свидетельствует Антонович, он познакомился с Лавровым в конце 1861 г. в квартире Чернышевского и убедился, что «Чернышевский смотрел даже на Лаврова как на человека своего лагеря в широком смысле слова, несмотря на известное расхождение во взглядах» (см. указ. выше воспоминания Антоновича, стр. 132 и 135). Что Чернышевский смотрел на Лаврова как на человека «своего лагеря», можно видеть из статьи Чернышевского о Лаврове в 1860 г., цитированной выше. Если Чернышевский допустил весной 1861 г. нападение на Лаврова в «Современнике» в статье Антоновича по поводу «Трех бесед», то объяснялось это недоразумением по поводу «Энциклопедического словаря». Но осенью 1861 г. произошли события, которые повели и к личному сближению Чернышевского с Лавровым, и к частым их сношениям, выразившимся между прочим и в том, что они стали бывать друг у друга.

События эти — студенческие волнения в Петербурге в 20-х числах сентября 1861 г. по случаю введения новых университетских правил, запрещавших сходки и публичные лекции и концерты в пользу студенческой массы и упразднивших студенческую корпорацию, ее библиотеку и кассу. Новые университетские правила закрывали университет для бедняков, которые не могли учиться иначе, как с помощью студенческой кассы. 25 сентября около 900 студентов отправились длинной колонной с Васильевского острова на Колокольную улицу к квартире попечителя Петербургского округа — генерала Филиппсона — для объяснений. Против студентов был выслан лейб-гвардии Преображенский полк, ночью было арестовано 26 студентов — «зачинщиков». Все это студентов конечно не успокоило, а еще более взволновало, и 27 сентября на университетском дворе устроена была многолюдная студенческая сходка, на которой присутствовали и штатские, и офицеры. Студенты требовали освобождения арестованных товарищей, а если этого нельзя, то ареста всех.

И вот на этой студенческой сходке Лавров выступил с речью, воодушевлявшей студентов к борьбе. О выступлении Лаврова в университетском дворе одинаково свидетельствует и агент III Отделения, и тогдашний студент участник сходки Н. Ф. Анненский (см. об этом подробности в моей книжке «П. А. Лавров», 2-е изд. М., 1930, стр. 26—28).

Волнения студентов продолжались. 14 октября 1861 г. было арестовано 200 студентов, и они были увезены в Кронштадт. В этот же день несколько студентов, собравшихся перед университетом, начали сбор пожертвований арестованным (см. юбилейный сборник Литературного фонда, статья Л. Ф. Пантелеева, Из истории первых лет существования Лит. фонда, стр. 88—89). Но еще до этого шла денежная подписка, собравшая среди лицейстов 400 р. и среди литераторов 2 500 р., чтобы возвратить деньги студентам, отказавшимся взять матрикулы, но в то же время не желавшим принимать от казны деньги, внесенные за эти матрикулы. Сбором денег для возврата их

студентам за матриккулы ведал Лавров (см. донесения агента III Отделения от 4 октября 1861 г. в «Материалах для биографии П. А. Лаврова», вып. II, Пгр., 1921, стр. 74—75). Повидимому Лавров ведал сбором денег в качестве казначая Литературного фонда, а поскольку Чернышевский был членом Комитета Литературного фонда и не меньше Лаврова принимал к сердцу студенческие волнения, то естественно, что Лавров сблизился с Чернышевским в деле помощи студентам. В «Судебном деле» Лаврова 1866 г. сохранилась следующая записка Чернышевского к Лаврову 1:

Петр Лаврович,

Михаил Алексеевич Воронов², мой старинный приятель, покажет вам телеграмму, полученную мною из Кронштадта. Мне кажется, что надобно было бы отправить в Кронштадт с кем-нибудь (например, Мих. Ал. Вор. или студентом Ламанским³, или бы с другим поверенным) до 500 или 600 р. из фонда на переезд освобождаемых в Пет., а в Петерб. позаботиться о размещении их до устройства их дел по квартирам порядочных людей.

Ваш Н. Чернышевский.

Ответ Лаврова на эту записку сохранился в рукописном отделении Государственной Публичной Библиотеки в Ленинграде. Лавров пишет:

Я, с своей стороны, Николай Гаврилович, совершенно согласен на выдачу 500 рублей в помощь кронштадтским заключенным, тем более, что там большинство. Если составится голосов 5 в пользу этого мнения, то решение комитета обязательно. Кажется, в прошлом заседании говорилось о 1 000 рублях, которые надо бы назначить студентам. Теперь пора перейти к действию.

Вполне преданный вам П. Лавров.

[Приписано]:

Вполне согласен. Н. Калачев⁴.

Совершенно согласен. Н. Чернышевский.

Г-н Березин⁵ изустроено уполномочил меня засвидетельствовать, что он также согласен.

Н. Чернышевский.

1 декабря 1861 года⁶.

Пантелеев утверждает, что «Чернышевского как раз не было в Петербурге, когда разыгралась студенческая история; он находился в Саратове» (см. «Из воспоминаний прошлого» 1905, стр. 185), но очевидно к декабрю Чернышевский вернулся в Петербург. Утверждение Пантелеева (там же, стр. 226—227), что Чернышевский не участвовал вовсе в отделении Литературного фонда для помощи студентам, опровергается публикуемой нами запиской Чернышевского к Лаврову.

Кружок, производивший сбор в пользу студентов, вскоре разросся и стал заботиться еще о поддержании внутренней связи между студентами. Решено было устроить Общество для пособия учащейся молодежи, при чем Пантелеев думает, что идея этого общества исходила от Чернышевского. Так как самостоятельного студенческого Общества не разрешили бы, то решили устроить его как отделение при Литературном фонде. Из Комитета Литературного фонда в Общество должны были входить только председатель и казначей. Так как казначеем был Лавров, то он естественно стал и во главе сборов в пользу освобожденных от ареста студентов и имел по этому поводу сношения с Чернышевским. (Официальное разрешение на открытие Общества вспомоществования учащимся как отделения Литературного фонда было получено только 23 апреля 1862 г., с 10 июня 1862 г. царь специальным указом повелел закрыть это «особое отделение»; см. «Северная Почта» № 128 от 14 июня 1862 г.)

Таким образом утверждение Лаврова в письме к Плеханову, что он «во время студенческого движения... не помнит никаких встреч и разговоров с Ник. Гавр., хотя... был в комитете для помощи студентам», можно объяснить только слабой памятью Лаврова.

Лаврова изобличает в забывчивости еще одна любопытная деталь, ставшая известной только теперь.

У мужа дочери Лаврова М. Ф. Негрескула, редактора журнала «Библиограф» и участника революционного движения конца 60-х годов, найдены были при обыске уже во время ссылки Лаврова две медали, доставшиеся Негрескулу вместе с другими вещами от Лаврова и относившиеся к осени 1861 г., когда Преображенский полк был по-

слан на усмирение студенческого движения в Петербурге. На медалях, представлявших по квалификации III Отделения «крайне возмутительное глумление над вещественными знаками монаршей милости», была надпись: «Александр II» и изображение императорской короны с надписью вокруг: «Благодарю моих верных холопов за усмирение Петербургского университета. Для передачи в лейб-гвардии Преображенский полк» (см. сборник «Революц. движение 1860 годов», М., 1932, стр. 216).

Сам Чернышевский рассказал Л. Ф. Пантелееву, при свидании с ним последнего в Астрахани весной 1889 г., что когда ему раз пришлось одновременно с Лавровым выходить из заседания Комитета Литературного фонда, то они разговорились и проводили друг друга от квартиры одного до квартиры другого до самого утра, затем Лавров зашел к Чернышевскому, и они за ранним чаем проговорили еще часа два



П. И. ЛАВРОВ
Фотография 1873 г.
Музей Революции СССР, Москва

(см. Л. Пантелеев, Из воспоминаний прошлого. П. Л. Лавров. В сборнике «П. Л. Лавров». Пгр., 1922, стр. 423). По рассказу того же Пантелеева, Лавров впоследствии ему подтвердил, что действительно они с Чернышевским « всю ночь проговорили, и тут многое разъяснилось, что в печати не удавалось достигнуть » (см. там же).

Но Пантелеев ошибается, полагая, что эта беседа Лаврова с Чернышевским произошла « уже после 2 февраля 1862 г., когда Петр Лаврович вступил в состав Комитета » (разумеется Комитет Литературного фонда). Как мы знаем из списка членов Комитета Литературного фонда, Лавров избран был в его члены 2 февраля 1861 г., а не 1862 г. (см. Юбилейный сборник Лит. фонда, стр. 73) и пробыл членом Комитета и его казначеем три года.

Можно полагать, что эта первая многочасовая беседа Лаврова с Чернышевским, воспоминание о которой заставило Чернышевского воскликнуть: « Да, глубочайшее уважение имею к Петру Лавровичу! », произошла не позже осени 1861 г., за несколько месяцев до того, как Чернышевский писал Лаврову упомянутую выше записку о денежной помощи освобождаемым 200 студентам. Пантелеев совершенно не прав, упрекая Анто-

новича в неточности, когда последний в своих воспоминаниях, цитированных выше, говорит, что Лавров часто бывал у Чернышевского и даже считался в числе его «близких знакомых» уже в конце 1861 г.

С февраля 1862 г. появился новый повод для встреч Лаврова с Чернышевским: публичные университетские курсы в Петербургской городской думе (так называемый Вольный университет), устроенные по поводу закрытия правительством Университета до конца 1861/62 учебного года. Курсы имели целью дать возможность продолжать заниматься наукой студентам, втянутым в беспорядки. Ведал этими курсами студенческий комитет вместе с комиссией из представителей Комитета Литературного фонда. Пантелеев указывает, что на заседаниях студенческого комитета бывал Лавров (см. указ. воспоминания Пантелеева, стр. 422 и программу курсов в конце его книги 1905 г.), а Лавров в печатаемом ниже письме к Плеханову добавляет, что Чернышевский был членом комитета Литературного фонда одновременно с ним. Повидимому здесь речь идет о комитете из представителей Комитета Литературного фонда, ведавшем курсами студентов вместе со студенческим комитетом. Во время одного из заседаний этого комитета, по указанию Лаврова в письме к Плеханову, Чернышевский признал, что «движение студентов против профессора Костомарова, не хотевшего прекращать лекции из-за ареста профессора Павлова, происходило под его [Чернышевского] влиянием», при чем Чернышевский «сознавал для себя возможность остановить это движение, но находил это ненужным», в чем Лавров расходился с Чернышевским.

Речь здесь идет о решении, принятом 8 марта 1862 г. студенческим комитетом, ведавшим университетскими курсами в Петербургской думе, прекратить все лекции, чтобы этим протестовать против произвола правительства. Последнее арестовало 5 марта 1862 г. проф. Павлова и 6 марта выслало его в Ветлугу за чтение им 2 марта на литературном вечере в пользу Литературного фонда статьи «О тысячелетии России». При чтении этой статьи, как указано в «Русском Инвалиде» за 1862 г., № 51, проф. Павлов «дозволил себе выражения и возгласы, не находившиеся в статье, пропущенной цензурой, и клонящиеся к возбуждению неудовольствия против правительства». Чтение имело большой успех среди студенчества, и студенческий комитет решил протестовать против высылки проф. Павлова прекращением всех лекций. Все профессора, читавшие лекции, согласились с решением студентов, один только Костомаров (известный историк, Ник. Ив.) этому воспротивился. Пантелеев рассказывает, что Чернышевский по этому поводу поехал к Костомарову (Чернышевский и Костомаров были связаны старой дружбой в Саратове, куда Костомаров был сослан и где Чернышевский был учителем гимназии) и уговорил его отказаться от чтения лекций (см. Л. Пантелеев, Из воспоминаний прошлого. Спб., 1905, гл. «Думская история», стр. 205 и сл.).

Таким образом Лавров в письме к Плеханову подтверждает указание Пантелеева, что в этой так называемой «Думской» истории Чернышевский сыграл решительную роль.

Необходимо кстати отметить, что и Лавров, и Чернышевский при возникновении Большого университета при Городской думе, по свидетельству Пантелеева, единогласно были намечены студенческим комитетом в число лекторов, но правительство их обоих лекторами не утвердило (см. воспоминания Л. Пантелеева в сборнике «П. Л. Лавров». Пгр., 1922, стр. 422). Факт этот показывает, что уже в начале 1862 г. студенчество ставило Лаврова в один ряд с Чернышевским как радикальных деятелей, но что и правительство ставило их также рядом как «неблагонадежных».

Хотя в письме к Плеханову Лавров указывает, что расходился с Чернышевским в оценке студенческой забастовки по поводу высылки проф. Павлова, однако документы говорят противное. В «Судебном деле» Лаврова фигурирует найденный у него при обыске проект заявления протеста по делу проф. Павлова и подписанный лист на 122 р. 50 к. в пользу того же проф. Павлова. Очевидно Лавров сочувствовал студенчеству в его протесте и активно выразил свое сочувствие проф. Павлову.

Сочувствие Лаврова революционному студенчеству в полном согласии с Чернышевским доказывается и тем, что оба они одновременно выступили в защиту студенчества в печати после того, как по поводу решения 8 марта о прекращении лекций начались в газетах горячие нападки на студентов. Как известно, Чернышевский выступил в за-

Я со своей стороны, Николай Павлу-
 лава, совершенно согласен на выдачу
 500 р. в помощь против малярии
 рекомендованной, и при том это транс-
 мундано. Если считать по курсу 5 1/2
 то сумму денег можно, по нынешней цене
 считать и в золотых. Короче и впрочем
 вольнолюбиво вверю вам о 1000 р. и при
 кажу им напечатать в журнале. Мнение
 ваше передаю в Д. А. К. Кавказа и при
 том в том.

П. Лавров
 Александрович Скачков
 совершенно согласен. Н. Чернышевский
 Т-во Березовая издательство и книгоиздательство
 ваше мне приятно и одобряю,
 что и вы можете согласны.
 1 декабря 1861. Н. Чернышевский

диту студентов со статьей «Научились ли?» в апрельском номере «Современника» 1862 г., а в № 84 от 21 апреля 1862 г. «Санктпетербургских Ведомостей» напечатана статья Лаврова «Заметка на замечания г. Пирогова», где критикуется проект нового устава российских университетов и делаются возражения Н. И. Пирогову на его либерально-компромиссные замечания по этому вопросу. В статье «Учиться, но как?» («СПБ. Ведомости», 1862, № 104 от 16 мая), возражая против статьи А. В. Эвальда «Учиться или не учиться?» за подписью «ь» (мягкий знак) в тех же «СПБ. Ведомостях» № 92 от 1 мая, Лавров прямо берет под свою защиту студенческую молодежь в ее порывах. Когда Н. И. Костомаров выступил в тех же «СПБ. Ведомостях» (№ 113 от 27 мая 1862 г.) со статьей «Мешать или не мешать учиться?», с ответом на эту статью там же выступил опять Лавров (см. статью его «Заметка» в № 117 от 2 июня).

Трудно предположить, чтобы Лавров, встречавшийся все это время с Чернышевским и у него, и у себя на квартире (Чернышевский был арестован лишь 7 июля 1862 г.), не имел с ним бесед о студенческой забастовке и о литературной полемике по ее поводу, в которой позиция их по отношению к молодежи была одинаковая.

В письме к Плеханову Лавров утверждает, что ему не пришлось говорить с Чернышевским в Шахматном клубе, что Чернышевский не посещал этого клуба и что «враждебные» отношения «Современника» к его работам «именно в это время делали поводы сношений между нами более редкими». Но мы знаем уже из предыдущего, что выпады Антоновича в «Современнике» против Лаврова имели место только в первой половине 1861 г., а к концу этого года сам Антонович, познакомившись с Лавровым в квартире Чернышевского, прекратил к нему враждебное отношение. Пантелеев отмечает в своих воспоминаниях, что Чернышевский в известные дни «весьма усердно» посещал Шахматный клуб (см. «Из воспоминаний о прошлом», Спб., 1905, стр. 223—224). Донесения агентов III Отделения, следивших за Чернышевским, тоже отмечают частые посещения им Шахматного клуба (см. «Н. Г. Чернышевский в донесениях агентов III отд.» — в «Красном архиве» 1926, т. I, стр. 111). Частые посещения Чернышевским Шахматного клуба объясняются тем, что там распространялись прокламации (см. отметку агента III Отделения от 18 апреля 1862 г. о Шахматном клубе там же, стр. 118) и там встречались и обменивались впечатлениями передовые литераторы. Шахматный клуб и был закрыт 8 июня 1862 г. за то, что в нем «происходят и из него распространяются неосновательные суждения... о современных событиях» (см. «Русский Инвалид» № 126 от 8 июня 1862 г.). Поскольку Лавров сам указывает в письме к Плеханову, что был одним из старшин Шахматного клуба и что к нему стекались взносы от литературных организаций, а с «Современником» переговоры и переписка происходили через Чернышевского, то очевидно, что и в Шахматном клубе Лавров и Чернышевский встречались часто.

Пантелеев встречал Чернышевского и Лаврова одновременно на вечерах и у передового издателя Тиблена (см. «Из воспоминаний прошлого», Спб., 1905, стр. 198), но об этом Лавров не упоминает вовсе.

Не упоминает Лавров и о сношениях с Чернышевским по поводу одновременного их участия в подпольной организации «Земля и воля». Как указывает Пантелеев, основание «Земли и воли» имело некоторую связь с обществом пособия учащейся молодежи, существовавшим как отделение Литературного фонда (см. «Из воспоминаний прошлого», 1905, стр. 24 и сл.). Лавров и Чернышевский как члены Комитета Литературного фонда, принимавшие близкое участие в помощи студентам в конце 1861 г., очевидно имели сношения и по поводу «Земли и воли». О Чернышевском уже доказано, что он имел связь с «Землей и волей» и что он — автор прокламации «Барским крестьянам», разъяснявшей смысл крестьянской реформы как обмана крестьян и звавшей к организованной революционной борьбе. Связь же Лаврова с «Землей и волей» можно также считать вполне установленной. В своей автобиографии Лавров упоминает, что «был приглашен в начале 60-х годов в общество «Земли и воли», но его участие в этом обществе было так ничтожно, что об этом и говорить не стоит». Низкая оценка, данная самим Лавровым активности его участия в «Земле и воле», объясняется тем, что делал он эту оценку в 1885 г., когда требования Лаврова к революционеру были очень высоки в виду героической деятельности «Народной воли». Даже отвергая указание агента

III Отделения Волгина, что Лавров был членом петербургского областного комитета «Земли и воли», все же из документов III Отделения видно, что комитет «Земли и воли» собирался на квартире Лаврова (см. сочинения Герцена с примеч. Лемке, т. XVI, стр. 166—173), а член «Земли и воли» А. А. Слепцов свидетельствует, что Лавров и Елисеев (известный публицист) присутствовали на совещаниях комитета «Земли и воли» в качестве «совещательных членов» (см. там же, стр. 74—75).

Были ли у Лаврова какие-нибудь сношения с Чернышевским по поводу их одновременного участия в «Земле и воле», мы не знаем. Возможно, что этот вопрос будет освещен впоследствии, когда деятельность Лаврова 60-х годов раскроется полнее благодаря архивным материалам о нем в Москве, Берлине и Праге.

Упоминание Лаврова в письме к Плеханову, что Чернышевский выбрал его одним из свидетелей своего публичного состязания со Скарятиним, но что в эти самые часы Лаврову пришлось быть в Артиллерийской академии на экзамене и что он не был на этом литературном поединке, — это упоминание подтверждается и Н. С. Русановым, слышавшим об этом, вероятно, рассказ самого Лаврова (см. Н. С. Русанов, Социалисты Запада и России, 2-е изд., Спб., 1909, статья о Лаврове, стр. 222—223). Пантелеев, упоминающий об этом же состязании, говорит, что третейский спор был у Чернышевского с литератором Эвальдом по поводу статьи последнего «Учиться или не учиться?», а Скарятин был лишь «секундантом» Эвальда (см. указ. воспоминания Пантелеева, стр. 220—221). Так как мы знаем, что Лавров писал против Эвальда, то приглашение Чернышевским Лаврова в качестве свидетеля при споре с Эвальдом кажется нам вполне естественным. Но упоминая о Скарятине как редакторе газеты «Вести», Лавров ошибается. «Весть», крепостнический орган олигархической дворянской партии, начала выходить в виде еженедельной газеты под редакцией В. Д. Скарятин и Н. Н. Юматова только с 1863 г. (см. Н. М. Лисовский, Библиография русской периодической печати. Пгр., 1915 и Энциклопедический словарь Брокгауза-Ефрона — слово «Весть»). А так как Чернышевский был арестован в июле 1862 г., то он не мог конечно участвовать в словесной дуэли со Скарятиним как редактором «Вести». В 1862 г. Скарятин писал в «СПБ. Ведомостях», издал книгу «Заметки золотопромышленника» (см. Энциклопедич. словарь Брокгауза-Ефрона — слово «Скарятин»). Повидимому в 1862 г. Скарятин не имел еще в глазах передовых писателей той репутации крепостника, какая установилась за ним после того, как он стал редактором «Вести», и потому Чернышевский мог участвовать вместе с ним в словесной дуэли.

Приглашение Чернышевским Лаврова на этот литературный поединок свидетельствует о том, что Чернышевский высоко ценил Лаврова как писателя и общественного деятеля своего лагеря.

Лавров не менее высоко ценил Чернышевского. 6 марта 1865 г. Лавров внес предложение в Литературный фонд о выдаче литературного пособия сосланному на каторгу Чернышевскому и о ходатайстве у правительства о пересмотре его дела. (Председатель Литературного фонда конечно струсил и отклонил предложение Лаврова.) «В то же время Лавров представил в цензурный комитет рукописный перевод «Политической экономии» Милля, составленный Чернышевским, и несколько его оригинальных статей, прося разрешить напечатание этих сочинений с обозначением имени Чернышевского; но цензурный комитет в просьбе этой отказал» (см. «Справку о полковнике Лаврове» в «Материалах для биографии Лаврова». Пгр., 1921, стр. 87). Во втором томе журнала «Вперед», появившемся в марте 1874 г., Лавров впервые напечатал «Письма без адреса» Чернышевского, сопроводив их предисловием, где между прочим первый в русской литературе указал место Чернышевского в истории русской революционной мысли. Здесь Лавров писал о Чернышевском: «Он не был только публицистом, стоявшим в первом ряду русских литературных деятелей, а по влиянию на русскую мысль не имевшим себе равного между современниками. Н. Г. Чернышевский был заметным уяснителем сложных задач социологии в эпоху между главными произведениями Прудона и основными трудами Маркса, когда в Европе была заметною лишь деятельность Лассаля, гораздо более замечательная в агитационном, чем в теоретическом отношении». (Из письма Энгельса к Марксу от 29 ноября 1873 г. узнаем, что «Лопатин хочет печатать известную тебе рукопись Чернышевского [здесь речь идет о «Письмах без адреса»

И. К.-В]... у Лаврова») (См. Соч. Маркса и Энгельса, т. XXIV, стр. 422). Интересно отметить, что «Письма без адреса» Чернышевского, как видно из письма Маркса к Николаю-ону от 12 декабря 1872 г. в «Летописях марксизма» за 1930 г., № 2, стр. 532, были посланы Марксу «Николаем-оном», а Марксом, повидимому через Г. А. Лопатина, переданы Лаврову для журнала «Вперед».

В 1890 г. в статье «Николай Гаврилович Чернышевский и ход развития русской мысли», напечатанной в нью-йоркской рабочей газете «Знамя» и представляющей собою речь, произнесенную Лавровым на собрании в Париже по поводу смерти Чернышевского, Лавров относит Чернышевского к тем «немногочисленным личностям, которые с полным сознанием воплотили в свое дело назревшее движение истории, совместили в себе ясное понимание вопросов дня с решимостью перевести эти вопросы на почву практического дела, обладали для этого достаточными силами и стали полными представителями своего времени как в его высших потребностях, так и в его понимании своей роли в истории». (Цитирую по фотокопии статьи Лаврова в «Знамени», хранящемся в берлинском архиве Лаврова, так как ни в Москве, ни в Ленинграде я не нашел полного комплекта «Знамени».)

Думается, что для того, чтобы высказать столь верные суждения о Чернышевском задолго до того, как стала ясна его подлинная выдающаяся роль в 60-е годы как теоретика и революционного деятеля, надо было Лаврову не просто быть лично знакомым с Чернышевским, а интимно знать со слов самого Чернышевского его заветнейшие и скрытые от других мысли и чувства.

Ив. Книжник-Ветров

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Настоящее письмо хранится в Ленинградском отделении Центрархива в «деле» П. Л. Лаврова Аудиторатского департамента Военного министерства, 2-го отделения, 1 стола, 1866 г., № 70, связка 757. В письме Чернышевского нет даты, но по дате в ответном письме Лаврова к Чернышевскому можно установить, что письмо Чернышевского написано не позже 1 декабря 1861 г.; текст этого письма приведен в статье П. Витязева, П. Л. Лавров в эпоху 60-х годов и его статья «Постепенно» в журнале «Книга и Революция» 1922 г., № 6, стр. 13.

В этом же судебном деле Лаврова сохранилась записка М. И. Михайлова от 14 августа 1861 г., относящаяся по словам самого Лаврова (см. «Дело», стр. 348) к моменту организации Шахматного клуба: «Дорогой Петр Лаврович! По желанию Вашему мы соберемся у Вас в среду. Вы со своей стороны потрудитесь пригласить: Дудышкина, Громеку и Курочкина; остальных пригласим мы с Чернышевским. До свидания. Духовно уважающий Вас Мих. Михайлов. P.S. Я приеду к Вам пораньше, как Вам хотелось». Записка эта доказывает, что собрания по организации клуба происходили на квартире Лаврова с участием Н. Г. Чернышевского.

² Михаил Алексеевич Воронов (1840—1873), которого Чернышевский рекомендует Лаврову как своего «старинного приятеля», — это талантливый беллетрист-народник, впоследствии сотрудник «Современника», «Русского Слова», «Дела», «Недели».

³ Под студентом Ламанским здесь разумеется Сергей Иванович Ламанский (1841—1891), впоследствии известный физик и филолог-материалист типа Сеченева. По сведениям во 2-й части тома I «Био-библиографического словаря» в издании Политкаторжан, С. И. Ламанский был заключен в Петропавловскую крепость в октябре 1861 г. за участие в студенческих волнениях и освобожден в середине декабря 1861 г. Но поскольку Чернышевский в своем письме к Лаврову от 1 декабря 1861 г. предлагает через С. И. Ламанского отправить в Кронштадт деньги для освобождаемых там студентов, очевидно, что или Чернышевский не знал о его заключении, или автор статьи о Ламанском в «Био-библиографическом словаре» неправильно указал, что Ламанский был освобожден в середине декабря вместо ноября. Отмечу также, что из интимной переписки А. В. Корвин-Круковской-Жаклар, цитированной мной в статье о Викторе Жакларе в «Проблемах марксизма» за 1930 г. (№ 5—6), ясно видно, что С. И. Ламанский в 70-е годы был интимно близок с революционерами-коммунарами Жакларами, сторонниками Маркса и до и во время Коммуны.

⁴ Калачев, Ник. Вас. (1819—1885) — академик, археолог и историк русского права.

⁵ Березин, Илья Ник. (1818—1896) — профессор турецкого языка Петербургского университета, редактор-издатель «Энциклопедического словаря» начала 70-х годов, о котором писал и Лавров в журнале «Знание» 1873 г.

⁶ Текст записки Лаврова без всяких комментариев приведен в сборнике «Революционное движение 1860 годов». Изд. Политкаторжан, М., 1932 г., стр. 43.

[ЧЕРНОВИК ПИСЬМА П. Л. ЛАВРОВА — Г. В. ПЛЕХАНОВУ]

328, rue St.-Jaques, 25 ноября 1889 г.

Уважаемый Георгий Валентинович.

Извините, что запоздал с обещанным¹ ответом на Ваше любезное приглашение прислать Вам для Вашего «Социал-Демократа»² воспоминания о Чернышевском. Множество причин мешали мне ответить до последних дней. Я с первой же минуты знал, что мои воспоминания в этом отношении так бедны, что едва ли [Вам] кому-либо пригодятся, [но] однако все-таки хотел попробовать собрать те крохи, которые остались у меня в памяти об этой эпохе. Но теперь, перебрав мои сношения с Ник[олаем] Гавр[иловичем] за [это] время моей петербургской литературной деятельности, вижу, что и крох-то очень уже мало. Встретившись с Ник[олаем] Гавр[иловичем] при основании Литературного фонда³, я не имел вовсе сношений с ним до учреждения литературного клуба (под названием шахматного) в конце 1861 г., если не ошибаюсь⁴. Я был избран одним из старшин и потому ко мне стекались взносы членов, между прочим и от «Современника»⁵. Перег[оворы] и переп[иска] происходили через Ник[олая] Гавр[иловича]. Но [Ник. Гавр.] он даже почти не посещал клуба⁶; по крайней мере я не помню, чтобы в клубе мне пришлось говорить с ним. Враждебное отношение «Современника» к моим работам именно в это время⁷ делало поводы сношений между нами еще более редкими. Во время студенческого движения⁸, обозначенного «колокольным походом»⁹, массовым арестом студентов во дворе университета, я не помню встреч и разговоров с Ник[олаем] Гавр[иловичем], хотя я был в комитете для помощи студентам¹⁰. В эпоху закрытия курсов для студентов в Петербургской думе¹¹ Ник[олай] Гавр[илович], был членом комитета Литературного фонда одновременно со мной. Тут мне остались живы в памяти несколько слов, сказанных им в заседании комитета и которые сделали для меня очевидным, что движение студентов против Костомарова¹², не хотевшего прекращать лекций из-за ареста профессора Павлова¹³, происходило с согласия Черн[ышевского], под его влиянием, что он сознавал для себя возможность остановить это движение, но находил это ненужным (в чем мы расходились)¹⁴. Но и это ограничилось [несколькими] немногими обмененными фразами. В последние месяцы пребывания Чернышевского на свободе мы стали сходиться¹⁵, имели два-три интересных (для меня) разговора, но в них материала для «воспоминаний» все-таки нет. Мы бывали друг у друга. Он даже выбрал меня одним из свидетелей своего [публичного состязания] спора с [редактором «Вести»] Скарятинным¹⁶ [кажется, впрочем, «Весть» стала появляться позже, но в эти самые часы мне пришлось ехать в Артиллерию академию на экзамен, на котором я был должен присутствовать, и я не был на [этом состязании] этом литературном поединке. Вскоре после этого Ник[олай] Гавр[илович] был арестован, и мы более не видались.

Как видите, все это так бедно содержанием, что и говорить не стоит. Какое уж тут воспоминания!

Желаю Вам всего лучшего, остаюсь готовый к услугам

П. Лавров.¹⁷

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Повидимому настоящему письму предшествовало другое короткое письмо, посланное Плеханову раньше, где Лавров обещал ему ответить.

² Здесь имеется в виду приглашение Плеханова, выраженное в письме, перепечатанном в предисловии к настоящему документу.

³ Литературный фонд — неофициальное распространенное название Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым. Своим возникновением Литературный фонд обязан энергии беллетриста и критика А. В. Дружинина (1824—1864), быв-

шего в 1856—1859 г. редактором распространенного журнала «Библиотека для чтения». Успехами первых лет своей деятельности Литературный фонд обязан Егору Петровичу Ковалевскому (1811—1868), известному путешественнику, начальнику Азиатского департамента, брат которого, Евграф Петрович, был в то время министром народного просвещения. Егор Петрович Ковалевский был и первым председателем выборного комитета, стоявшего во главе Литературного фонда.

⁴ Шахматный клуб, как указано в предисловии к настоящему письму, был основан не в конце 1861 г., а в начале 1862 г. Как указано там же на основании целого ряда фактов, утверждение Лаврова, что он не имел вовсе сношений с Чернышевским до начала 1862 г., не соответствует действительности. Старшинами Шахматного клуба были П. А. Лавров и известный публицист Г. З. Елисеев. О Шахматном клубе кроме литературы, приведенной в предисловии к настоящему письму, см. Полное собрание сочинений А. И. Герцена с примечаниями М. К. Лемке, т. 15-й, стр. 324—325 и т. 16-й, стр. 165—166.

⁵ В подлиннике «Современник» с малой буквы и без кавычек. Взносы в Шахматный клуб делались от редакций журналов повидимому ежемесячно, а так как во главе «Современника» стоял Чернышевский, то Лаврову как старшине клуба приходилось иметь переговоры и переписку с Чернышевским по поводу этих взносов.

⁶ Как указано в предисловии к настоящему письму, утверждение Лаврова, что Чернышевский не посещал Шахматного клуба, не соответствует действительности.

⁷ «Именно в это время», т. е. во время существования Шахматного клуба с начала 1862 г., никакого «враждебного» отношения к «Современнику» к работам Лаврова уже не было. С декабря 1861 г. сношения Лаврова с Чернышевским были очень часты, как доказано в предисловии к настоящему письму.

⁸ О студенческом движении в Петербурге в сентябре—декабре 1861 г. см. кроме литературы, указанной⁴ в предисловии к настоящему письму, «Записку о петербургских университетских беспорядках», напечатанную в «Приложении № 4» в книге М. Лемке, Очерки освободительного движения шестидесятых годов. СПб., 1908, стр. 468—479. К. Арсеньев, Из дальних воспоминаний в «Голосе Минувшего» 1913, № 1, стр. 161 и В. Спасович, Пятидесятилетие Петербургского университета в «Вестнике Европы» 1870, № 5, стр. 312—365.

⁹ Имеется в виду шествие студентов на Колокольную улицу.

¹⁰ Во время студенческого движения осенью 1861 г. Лавров не встречался с Чернышевским только до декабря, так как Чернышевский был временно в отъезде в Саратов, но о сношениях Чернышевского с Лавровым по поводу освобождения арестованных студентов в начале декабря 1861 г. свидетельствует записка Чернышевского к Лаврову, сохранившаяся в «Судебном деле» последнего. Об этом см. в предисловии к настоящему письму.

¹¹ Так как Петербургский университет был правительством из-за студенческих беспорядков закрыт с осени 1861 г. до конца 1861/62 учебного года, то студентами были организованы курсы университетского характера при петербургской Городской думе. Во главе этих курсов стоял студенческий комитет, в который входили и представители Литературного фонда. Лавров и Чернышевский были одновременно со 2 февраля 1861 до 2 февраля 1862 г. членами комитета Литературного фонда и во время существования курсов повидимому одновременно входили и в комитет курсов.

^{12—13} Профессор Павлов, Платон Васильевич (1823—1895) с 1847 до 1859 г. читал историю в Киевском университете, а в конце 1859 г. назначен членом Археологической комиссии и переведен в Петербург. За чтение своей статьи «Тысячелетие России» 2 марта 1862 г. на вечере в пользу Литературного фонда проф. Павлов был 5 марта арестован и 6 марта административно выслан в Ветлугу, Костромской губернии, с запрещением на будущее время чтения публичных лекций. Он был возвращен в Петербург лишь в 1866 г. и освобожден от надзора полиции только в 1871 г. (О Павлове см. Био-библиографич. словарь, изд. Политкаторжан, т. I, ч. 2-я. М., 1928, стр. 303, где указана и вся литература о Павлове.)

¹⁴ Из литературных выступлений Лаврова по поводу прекращения лекций студентами и, в частности, против Костомарова, напротив, видно, что позиция Лаврова по этому вопросу была такая же, как у Чернышевского.

¹⁵ Лавров стал «сходиться» с Чернышевским с зимы 1861/62 г., следовательно за 7—8 месяцев до ареста Чернышевского, чему доказательства см. в предисловии к настоящему письму.

¹⁶ Так как газета «Весть» начала выходить в 1863 г., а Чернышевский был арестован в июле 1862 г., то у него конечно не могло быть публичного состязания со Скарятиным как с редактором «Вести». Сам Лавров указывает, правда неуверенно, что «Весть» стала выходить позже.

¹⁷ Все письмо Лаврова представляет собою черновик с рядом поправок. В прямые скобки заключены те слова, которые были зачеркнуты Лавровым, и те части слов, которые для ясности добавлены при перепечатке настоящего письма.